
Книга семнадцатая
Андрей и встреча галактик
Денис Федотов

Денис Федотов

Андрей и встреча галактик

https://litres.ru/74799754
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Андрей вместе с друзьями отправляется в далёкую галактику, его ждёт встреча с Тишем — одиноким Хранителем, который боится, что столкновение галактик уничтожит всё, что ему дорого. Чтобы развеять его страхи, героям предстоит провести необычный космический эксперимент и доказать, что даже самые грандиозные перемены не обязательно означают конец. Увлекательная история о дружбе, доверии, смелости и силе честного знания, которое помогает смотреть в будущее без страха.

Содержание

Глава 1. Можно мне прийти? 4
Глава 2. Самый первый 10
Глава 3. Сбор у Искры 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Денис Федотов
Андрей и встреча галактик

Глава 1. Можно мне прийти?

В марте в Винтеролде таял снег.

Он таял неохотно, как всегда. Днём с крыш капало, и на тротуарах стояли лужи, в которых отражалось синее-синее небо. А ночью лужи опять замерзали, и утром весь двор был стеклянный, и Соня шла в школу, раскинув руки, как канатоходец. Под балконом у Андрея лежал последний серый сугроб, и Андрей каждое утро проверял, сколько от него осталось. Как будто сугроб был часами.

В каком-то смысле так и было.

— Когда растает снег, — сказала Ора ещё в феврале, — Большие Врата наберут силу. Не насовсем. Ненадолго. Но на одно путешествие хватит.

И Андрей стал ждать весну так, как никогда в жизни её не ждал.

На его полке теперь стояли рядом четыре вещи. Камень деда Ворса с розовой полоской. Уголёк Алы, который по вечерам чуть-чуть светился красным, если долго на него смотреть. Звон-кристалл на маленькой подставке. И пустая банка из-под маминого крыжовника, которую подарил Ним. Банка

была самая простая. Но Андрей смотрел на неё чаще всего.

Потому что каждый вечер, когда в комнате гас свет, звон-кристалл начинал тихонько светиться. И из него звучал голос.

Это началось после затмения. Сначала совсем редко, раз в неделю, а то и реже. Голос говорил одно-два слова и пропадал. Потом чаще. А к зиме Тиш говорил с Андреем почти каждый вечер. Совсем понемножку. Как будто пробовал воду ногой, прежде чем зайти в реку.

— Сегодня. Звезда. Родилась, — сказал он однажды в декабре.

— Где? — спросил Андрей, и сердце у него подпрыгнуло. Это была первая фраза, которую Тиш сказал сам. Не ответ. Не «врёшь». А просто новость. Как говорят другу.

— У меня. В облаке. Большом. Красном.

— Красивая?

Тиш долго молчал.

— Маленькая, — сказал он наконец. — Но. Да.

А в январе Тиш спросил, что такое «снег». Он слышал это слово по радио много-много раз, но так и не понял. Андрей полчаса объяснял про снежинки и про шесть лучей у каждой, а потом вышел на балкон, поймал снежинку на рукав и держал кристалл над ней, пока она не растаяла. Он не знал, видит ли Тиш через кристалл. Но Тиш потом сказал: «Шесть. Да», и Андрей решил, что видит.

А в феврале Тиш спросил, почему Андрей грустный. Ан-

дрей и правда был грустный: он получил тройку по алгебре, и мама расстроилась. Андрей не ожидал, что это можно услышать через три миллиона световых лет. Но, видимо, можно.

Все эти вечера он записывал в тетрадку. Не всё. Только то, что Тиш говорил сам. Таких фраз к весне набралось сорок семь.

И ни одного «врёшь».

— Он привыкает, — сказала Ора, когда Андрей прочитал ей список. — Ты делаешь всё правильно, Андрей. Ты оставил ему место у огня. И он уже подошёл совсем близко. Но ещё не сел.

— А когда сядет?

— Это знает только он, — сказала Ора. — Но я думаю, скоро.

В середине марта сугроб под балконом растаял совсем. Остался только мокрый чёрный асфальт и потерянная кем-то варежка. А вечером Ора сказала:

— Пора. Врата готовы. Через неделю их можно будет открыть. Они продержатся три дня, а потом снова закроются, теперь уже до самой зимы. Последние Врата в Треугольник, те, что Тиш не смог закрыть до конца, на самом краю моей соседки Андромеды. Эя их нашла. Они старые и скрипучие, но они пропустят.

Андрей сидел на кровати с кристаллом Хранителей в руках и молчал.

— Ты боишься? — спросила Ора.

— Нет, — сказал Андрей. Потом подумал. — То есть да. Но не того, что ты думаешь. Ора, а он знает? Что мы прилетим?

Ора помолчала.

— Нет, — сказала она. — Я думала, лучше прийти и всё объяснить там. Чтобы он не успел испугаться и спрятаться.

Андрей покачал головой. Он вспомнил, как стоял за берёзой у реки. И как Ним сказал: «У нас его не зовут. У нас садятся у огня так, чтобы с краю осталось место».

— Так нельзя, — сказал он. — Если мы ворвёмся без спроса, он решит, что это нападение. Он и так всего боится. Нужно спросить.

— А если он скажет «нет»?

— Тогда подождём, — сказал Андрей. — Не торопиться. Но и не сдаваться.

Ора долго-долго молчала. А потом Андрей услышал, что она тихо смеётся. Как смеются, когда кто-то маленький вдруг скажет что-то очень взрослое.

— Хорошо, Хранитель, — сказала она. — Спрашивай.

И Андрей взял звон-кристалл.

Он держал его в ладонях долго, наверное, минут пять, прежде чем решился. А потом подумал, очень ясно, как думают для звон-кристалла, и сказал вслух:

— Тиш. Можно мне прийти к тебе в гости?

Кристалл молчал.

Андрей ждал. Пять минут. Десять. Полчаса. Соня присла-

ла сообщение: «Ну что?» Андрей ответил: «Жду». Мама сказала, что пора спать. Андрей выключил свет и лёг. И держал кристалл на груди, как держат котёнка.

И уже почти заснул, когда кристалл засветился.

— Нет.

Одно слово. И всё. И кристалл погас.

Андрей полежал в темноте. Ему было обидно. Очень. До слёз. Он думал, что всё уже получилось. Сорок семь фраз. Снежинка. Звезда в красном облаке. А тут «нет».

Но он не стал ничего говорить в ответ. Не стал уговаривать. Не стал объяснять. Он просто сказал в темноту:

— Хорошо. Я понял. Спокойной ночи, Тиш.

И заснул.

А на следующий вечер кристалл засветился сам. Раньше, чем обычно. Андрей ещё даже уроки не доделал.

— Может быть, — сказал Тиш.

Андрей отложил алгебру.

— Может быть да? — спросил он осторожно.

— Может быть, — повторил Тиш упрямо. И замолчал. А потом добавил, очень тихо: — Один. Ты. Не все.

Андрей посмотрел на свою полку. На камень деда Ворса. На уголёк Алы. На банку Нима. И на тетрадку Сони, которая лежала у него на столе, потому что Соня забыла её здесь вчера.

— Не один, — сказал он. — Я не умею один, Тиш. Я один нигде никогда ничего не сделал. Ни разу. Со мной всегда кто-

нибудь был. Луми. Соня. Кайр и Лира. Ора. Это мои друзья. Ты их видел через кристалл, правда? Ты знаешь, какие они. Они не страшные.

Кристалл долго молчал.

— Страшно, — сказал Тиш наконец.

И Андрей вдруг понял, что это самое честное слово, которое он когда-нибудь от него слышал. Тиш не говорил «нет». Он говорил «страшно». А это совсем другое. Это значит: «Я хочу. Но боюсь».

— Я знаю, — сказал Андрей. — Мне тоже страшно, Тиш. Правда. Я никогда не был в чужой галактике, где меня не ждут. И я не знаю, понравлюсь ли я тебе. И понравишься ли ты Луми, он у меня ревнивый. — Кристалл странно мигнул, и Андрей решил, что Тиш хмыкнул. — Но я всё равно хочу прийти. Потому что ты мой друг. Даже если ты так не считаешь.

Кристалл молчал до самой ночи. А когда Андрей уже лёг, засветился опять, совсем слабо.

— Приходи, — сказал Тиш. — Все. Приходите.

И погас.

Андрей лежал в темноте и улыбался в потолок. А на полке, в пустой банке Нима, лежал круглый пятачок лунного света.

Глава 2. Самый первый

Утром Андрей сказал Оре, что ему нужно ещё одно разрешение.

— Чьё? — спросила Ора.

— Твоё, — сказал Андрей. — Я обещал Витьке. Ещё летом, на балконе. Что когда будет можно, я расскажу ему первому. Ора, я лечу в другую галактику. Может быть, это самое опасное, что я делал. Я не хочу улетать, пока он не знает. Это нечестно.

Ора долго молчала. Андрей уже привык к тому, что Хранительницы молчат долго. Это не значит «нет». Это значит, что они думают очень большими мыслями, а большим мыслям нужно много времени, как большим кораблям нужно много места для разворота.

— Андрей, — сказала она наконец. — Помнишь, что я сказала тебе в самый первый раз, когда дала тебе кристалл?

— Что я теперь Хранитель.

— Вот, — сказала Ора. — А Хранитель сам решает, кому доверить тайну. Это не только моя тайна. Она и твоя тоже. Ты её столько лет берёг. Ты лучше меня знаешь, можно ли доверять Виктору Соловьёву.

— Можно, — сказал Андрей, не задумываясь.

— Тогда я тебе не нужна, — сказала Ора. И Андрею показалось, что она улыбается.

Витька пришёл вечером, как всегда, с ноутбуком под мышкой. Они собирались делать доклад для планетария, тот самый, про затмение. Андрей открыл ему дверь, и Витька сразу понял, что что-то не так.

— Ты чего такой? — спросил он. — Белый весь.

— Пойдём на балкон, — сказал Андрей.

На балконе было холодно. Пахло мокрым асфальтом и весной. Над крышей соседнего дома висела почти полная Луна, та самая, которая летом закрыла Солнце. Андрей закрыл за собой балконную дверь и посмотрел на Витьку.

Витька смотрел на него.

— Помнишь, ты сказал у фонтана, — начал Андрей и запнулся. — Если когда-нибудь будет можно…

У Витьки стало очень серьёзное лицо. Он ничего не сказал. Только кивнул.

— Луми, — сказал Андрей. — Выходи. Это Витька. Ему можно.

И из-под капюшона Андреевой куртки, которая висела на балконе на крючке, медленно выплыл маленький золотой огонёк.

Луми был стеснительный. С чужими он всегда прятался. Но Витька не был чужой. Луми видел его сотни раз, из-под шкафа, из-за занавески, из кармана, на берегу у реки. Поэтому он не стал прятаться. Он подплыл к Витьке совсем близко, на расстояние вытянутой руки, и повис в воздухе. И засветился ровно-ровно, как светятся, когда очень стараются

произвести хорошее впечатление.

Витька смотрел на него.

Долго.

А потом сказал очень тихо:

— Блик.

И Андрей засмеялся. Так громко, что в соседнем окне зажёгся свет. И Витька засмеялся. И Луми заметался по балкону, рассыпая искорки, потому что он не понимал, что смешного, но очень любил, когда смеются.

Потом Андрей рассказывал. Долго. Про чердак и про Светлячок, про Звёздную Академию и комету-почтальона, про Марс и Энцелад, про Ору и Искру, про Алу и её последнюю песню. Про Пасмурь, откуда прилетели Ним и Мия. Про Эю и двенадцать общих слов. Про голос из Треугольника. Витька слушал и ни разу его не перебил. Он сидел на перевёрнутом ведре в куртке нараспашку, и Луми сидел у него на колене, и Витька совершенно этого не замечал.

Когда Андрей замолчал, было уже совсем темно.

— Я знал, — сказал Витька. — Ну, то есть не знал. Но знал. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Андрей.

— Ещё с сияния. Когда оно в банку ушло. Я тогда подумал: либо я сошёл с ума, либо Андрей что-то знает. — Витька помолчал. — Я рад, что я не сошёл с ума.

Они посидели молча.

— А почему сейчас? — спросил Витька.

И Андрей рассказал про Врата. Про три дня. Про Тиша, который сказал «приходите».

Витька долго думал.

— Я с вами, — сказал он.

— Нельзя, — сказал Андрей, и ему было очень жалко это говорить. — Ора говорит, через Большие Врата могут пройти только те, кто уже бывал за Вратами. Иначе можно потеряться. Как в лесу, только в миллион раз хуже.

Витька кивнул. Без обиды. Андрей видел, что он и не ждал другого.

— Тогда я буду здесь, — сказал он. — Кто-то должен остаться на Земле и смотреть в небо. Чтобы знать, куда вам возвращаться. У меня камера. У Веры Павловны телескоп. Будем дежурить. Как ЦУП. Центр управления полётом.

— Ты же даже не увидишь нас. Это три миллиона световых лет.

— Ну и что, — сказал Витька. — Папа твой с орбиты тоже Землю видел, а не вас с мамой. А вы всё равно ему махали.

И Андрей не нашёлся, что ответить.

В субботу на кухне у Андрея собрался настоящий штаб. Мама, папа, бабушка, Соня, Вера Павловна и Витька. Витька сидел с краю и делал вид, что всю жизнь сидел на таких совещаниях.

Папа принёс свой старый космический список. Тот, по которому он собирался на станцию. Он прочитал его вслух, вычеркнул почти всё, потому что на Светлячке не нужны ни

скафандр, ни запасные носки на полгода, и оставил три пункта.

— Первое, — сказал папа. — Фонарик. В любом полёте должен быть фонарик. Даже если ты летишь к звёздам. Особенно если ты летишь к звёздам. Второе. Тетрадка и карандаш. Не ручка, ручка в невесомости не пишет. Третье. — Он посмотрел на Андрея очень серьёзно. — Что-нибудь из дома. Маленькое. Чтобы взять в руку, когда станет страшно. У меня был Рыжик.

Соня гордо выпрямилась.

— А что возьмёшь ты? — спросила бабушка.

Андрей подумал. И пошёл в комнату. И вернулся с пустой банкой.

Витька фыркнул. Вера Павловна посмотрела на банку поверх очков. Мама подняла брови. А потом мама вдруг встала и ушла к духовке, и через час на кухне пахло так, что соседи, наверное, тоже это чувствовали.

— Вот, — сказала мама и поставила на стол пирог. Большой, круглый, с яблоками, в коробке из-под торта, перевязанной ленточкой. — Ним сказал, что на Пасмури так делают. Если ты пришёл к кому-то, кому темно и страшно, приносишь тёплое. Это значит: ты мне не чужой. Я хочу, чтобы этот мальчик знал, что он не чужой. Даже если он в другой галактике. Хотя я, честно говоря, не очень понимаю, как это всё возможно.

— Мама, он может не есть пироги, — сказал Андрей осто-

рожно. — Он, ну… он Хранитель. Он, может быть, вообще из света.

— Ничего, — сказала мама твёрдо. — Пирог можно не есть. Пирог главное принести.

И все засмеялись. И Андрей подумал, что, наверное, никогда ещё ни одна экспедиция в другую галактику не собиралась вот так. На кухне, с пирогом, с бабушкиными советами и с Витькой, который серьёзно записывал в блокнот: «ЦУП. Дежурство. Смена 1: я. Смена 2: В. П.»

Глава 3. Сбор у Искры

Они улетали в субботу, рано утром, когда весь Винтеролд ещё спал.

Из дома вышли все вместе. Папа нёс коробку с пирогом, как несут что-то очень хрупкое и очень важное, например космический прибор. Мама несла термос. Бабушка несла пакет с бутербродами и приговаривала, что в галактиках, наверное, не кормят. Соня несла свою тетрадку с Марса. А Андрей нёс пустую банку, и фонарик, и карандаш, и кристалл Хранителей, и звон-кристалл, и уголёк Алы в нагрудном кармане. Уголёк он взял в последний момент. Просто потому, что понял: Ала бы хотела посмотреть.

У подъезда их ждали Витька и Вера Павловна. Вера Павловна была в своём старом пальто и с ключом от своего класса в руке. Там, в школе, на подоконнике уже стоял её телескоп, а на доске Витька ещё вчера написал крупными буквами: «ЦУП. НЕ СТИРАТЬ».

— Три дня, — сказала мама у подъезда. Она старалась говорить спокойно. — Три дня, Андрей. И чтобы ты вернулся к своему дню рождения. Я уже купила свечи.

— Вернусь, — сказал Андрей.

Папа ничего не сказал. Он просто положил Андрею руку на плечо, как кладут командиры перед стартом. И Андрей понял, что папа сейчас вспоминает сентябрь, и «Союз», и

Рыжика на ниточке. И что теперь папа знает, как это, когда провожают тебя. А теперь узнаёт, как это, когда провожаешь ты. И что второе гораздо труднее.

Светлячок ждал на чердаке. Он всегда там ждал. Старый, чуть поцарапанный, с наклейкой «Удачи!» на антенне. Андрей погладил его по борту, как гладят лошадь перед долгой дорогой. Луми занял своё место у панели. Соня пристегнулась, хотя на Светлячке никогда не трясло. Просто потому, что папа сказал: перед стартом пристёгиваются всегда.

И Андрей сказал то, что говорил всегда:

— Поехали.

Первыми были обычные Врата, старые знакомые Врата у Луны. А потом арка синего света, и прыжок, и звёзды вокруг стали другими. И впереди загорела маленькая сердитая звёздочка.

— Наконец-то! — сказала Искра вместо «здравствуй». — Я жду целую вечность. Все уже тут. Все сидят у меня в гостях и никто не смотрит на меня. Все смотрят на твою девочку из Андромеды. У неё волосы как сияние. Это нечестно.

Андрей засмеялся. Искра нисколько не изменилась. У неё были уже свои планеты, те самые, которые они делали с Орой позапрошлой весной из пыли и камешков. Планеты были ещё совсем молодые, горячие и неровные, как недопечённые котлеты. Но Искра ими страшно гордилась и всем показывала. А вот ревнивой осталась такой же, как была.

А вокруг Искры и правда были все.

Андрей смотрел в иллюминатор и считал, и у него теплело в груди с каждым новым огоньком.

Вот ржавый тупоносый кораблик Кайра и Лиры, весь в заплатках. Кайр махал из иллюминатора обеими руками. Вот Шуршик, с длинным сияющим хвостом и сумкой через плечо, он уже что-то рассказывал всем одновременно. Вот Тик, маленький и точный, с своими пластинками. Вот Ула, которая тихо напевала, и кристалл тут же перевёл: «Я соскучилась». Вот круглый, как капля, серебристый корабль с Пасмури. Ним и Мия. Мия сидела у иллюминатора в Сониных картонных очках с нарисованной короной и корчила рожицы. А Ним держал в руках что-то маленькое, завёрнутое в тряпочку.

— Это от бабушки Талы, — объяснил он, когда корабли стали стоять рядом и можно было разговаривать через кристалл. — Она не смогла полететь. Она уже совсем старенькая. И вот отдала мне свой камень. Нагретый. У огня. Она сказала, что если с краю сидит малыш, ему надо что-нибудь тёплое в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.